

XXIII ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

24—28 июня 2002 года в Томске прошла международная научная конференция XXIII Дульзоновские чтения «Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур», посвященная 100-летию Томского государственного педагогического университета. Самодийское направление на конференции было представлено 14 докладами, посвя-

щенными проблемами лексики, морфологии в синхронном и диахроническом описании, а также вопросам взаимоотношения языка, мышления и культуры.

В докладе Н. В. Деннинг (Хейльбронн) «Ум, мозг, сознание (этнолингвистический анализ)» речь шла о том, что ум (*tenə*) наряду с жизненностью (*ilə*) и дыханием (*qbejə*) выступает в качестве

внутренней жизненной силы человека. Анализ именных и глагольных производных от основ **tenə-/teja-* показывает, что последние обладают широким спектром значений, начиная от владения практическими навыками (мочь, уметь) и кончая более глубоким осознанием явления (понимать, осознавать). Автор исходит из роли слова в рамках эмпирической и внеэмпирической реальности: для первой оно является знаком вещи, для второй — смыслообразом. Это позволяет анализировать на уровне сознания связи, устанавливаемые между понятиями 'ум', 'мысль', 'мозг', 'сознание'. Выделяемые в селькупском языке два ряда форм для обозначения мозга **kümə* и **kūy* сопоставимы с глагольной основой *kūy* 'течь'. Используя метод внутренней реконструкции, автор выделяет праформы **quə-ŋ* и **quəy-mV* для обозначения понятия 'мозг', дифференцируя их значения. Соответственно для первой праформы предполагается значение 'поток', для второй — 'место прохождения потока'.

В докладе И. В. Булгаковой (Томск) «Наименования селькупской обуви и ее деталей» представлен обстоятельный анализ одной из тематических групп лексики. Автор придерживается следующей схемы анализа: дает общесамодийскую основу с параллелями из других самодийских языков, при возможности приводит общеуральскую основу. Описания этнокультурного и исторического характера позволяют восстановить фрагменты материального аспекта культуры селькупов. Наименование обобщенного понятия *pövə ~ petj* 'обувь' восходит к общесамодийской основе **pājtmā*, входит в качестве базового компонента в составные наименования разных видов обуви, например, *sappoj pövə* 'тарбасы', *pakəlzuŋ pövə* 'чирки'; *pondžəl pövə* 'кисы'; *aždət kobəl' pövə* 'кисы'; *šjrkopij petj* 'чуни'; *kodəl' petj* 'бокари'; *šerbjndi pöve* 'тапочки'. Автор анализирует наименования элементов обуви и приходит к выводу о том, что ведущим принципом в формировании рассмотренных номенов является антропоморфность.

В докладе В. В. Быконя (Томск) «Лингвистические наблюдения над сель-

купскими этнонимами» выдвинута гипотеза о формировании самоназвания *süsüqum ~ sösequm* — остяков с реки Кеть — через сложение основ на том этапе истории языка, когда словообразование происходило путем их соположения до оформления какими-либо суффиксами. Компонентный анализ лексем, связанных этимологически с корнем *sV-* < сам. *sojā* 'родиться, расти', в частности, *sū ~ sō* 'земля, глина, черная земля у реки', *süt ~ söt* 'лес, растущий у реки, темный густой лес', *sümj* 'самка животного', *se* 'язык', *sija, sij, sülč, söiga* 'пуп, пуповина', *südi* 'пространство, растекаемое по горизонтали', позволяет предположить, что такими основами могли быть: *sū ~ sō* 'земля, глина', *sü ~ sō* 'пуп, пуповина', *se* 'язык' как символы деторождения, продолжения рода, связи и отделения. Компоненты *-qu* и *-qo*, вычленяемые в составе этнонимов, автор связывает с мужским и женским началом и выводит исходное значение для *-qo* 'потомок рода, продолжатель рода', для *-qu* — связь с родом.

В докладе «К вопросу о проявлении флективной тенденции в диалектах селькупского языка» Е. В. Зыряновой и Н. Г. Кузнецовой (Томск) освещены явления синтетосемии, омосемии, фузии, которые составляют в совокупности признаки флективности на общем агглютинативном фоне. На конкретных примерах, в частности, формах настоящего общего от неодносложных основ с нулевым маркером времени, продемонстрировано совмещение в личных окончаниях нескольких грамматических значений — наклонения, времени, лица и числа (*oraljo* 'мы-двое попались (сейчас)'; *oraligu* 'быть пойманным, попасться'). В докладе подробно освещены фузионные явления, к которым относятся пограничные модификации на границе основы и присоединяемого аффикса.

Доклад Л. А. Ильиной (Новосибирск) «Эвиденциальность и время в диахронии селькупского языка» посвящен историческим изменениям, происшедшим в XVII—XX вв. в южноселькупских диалектах, которые связаны с кардинальным преобразованием системы центральных категорий глагола «эвиден-

циальность — время — наклонение — вид». Автор отмечает, что в традиционной грамматической системе селькупского языка эвиденциальность была самостоятельной, многокомпонентной, центральной морфологической категорией глагола. Данная категория обозначала разные источники информации говорящего о сообщаемых фактах и реализовала значимые межкатегориальные связи с модальными, темпоральными и аспектуальными категориями глагола. В синхронии 1960—1970-х годов в южноселькупских диалектах отсутствует грамматическая категория эвиденциальности, но имеется грамматическая категория совершенного/несовершенного вида и развитая категория глагольного времени.

Доклад А. И. Кузнецовой (Москва) «Признаки нестабильности категории императива в языке северных селькупов на протяжении XX века» посвящен историческим изменениям, наблюдающимся в категории повелительного наклонения в указанный период времени. Вариативность форм императива была типичным явлением уже 100 лет назад, она сохранилась в 1940-е годы, но их редукция постепенно привела в 1990-е годы к употреблению усеченных окончаний глаголов. Обычными показателями субъектного спряжения в зависимости от типа основ являются *-ašyk* и его варианты *-aš/-yk*, объектного спряжения — *-ätty* и его варианты *-ät/-ty/-y*. Автор констатирует, что 1) в конце XX в. возрастает количество параллельно употребляемых вариантов, особенно в сфере 2 л. ед. ч. в императиве одного и того же глагола: *-äšyk/-ätty*, *-äš/-ätty*, *-ty/-ät* и т. п.; 2) основное направление изменения значений, функций императива и способ его выражения идет в сторону упрощения и исчезновения избыточных форм.

В докладе О. А. Казакевич (Москва) «Языковые коды селькупских рассказчиков» представлены результаты анализа текстов на четырех говорах северного диалекта селькупского языка. В настоящее время все селькупы являются билингвами, способными пользоваться двумя языковыми кодами. Автор анализирует все случаи взаимовлияния язы-

ковых кодов говорящего, особенно обращает внимание на кодовые переключения — использование морфем или последовательностей морфем двух языков в пределах одного дискурса. Частота кодовых переключений в тексте обусловлена уровнем владения этническим языком, языковыми способностями говорящего, его эмоциональным состоянием. Современные записи изобилуют переключениями на русский языковой код.

Ю. В. Колбышева (Томск) в докладе «Числительное «пять» в нганасанском языке» предложила два возможных пути формирования числительного *sayholayka*. Автор выделяет производящую основу *sayho-* и суффиксы *-IV-* со значением связанности по месту, времени, принадлежности, *-ŋ-* со значением местонахождения предметов, их конкретизации и совокупности, который в свою очередь приобретает в сочетании с суффиксом *-k-* значение уменьшительности. Основа *sayho-* восходит к сам. **səmpə* — и сопоставляется со словом *vaŋku* 'звон, колокол'.

В докладе «Сфера употребления вопросительного наклонения в нганасанском языке» Н. Г. Кузнецовой и Э. В. Усенковой (Томск) предложена классификация вопросительных предложений. Передача значения вопроса морфологическими средствами из всех самодийских языков встречается только в нганасанском. Авторы положили в основу классификации вопросительных предложений смысловой объем вопроса и соответствующий ему характер ответа, а также модальное качество предложения. По каждому типу вопросительных предложений охарактеризованы лексические средства — вопросительные местоименные слова в собственно-вопросительных предложениях и средства выражения удостоверительности в удостоверительно-вопросительных предложениях. К ним относятся качественные прилагательные, некоторые разряды наречий, глаголы *täisä* 'иметься', *diaŋguyisä* 'отсутствовать, не иметься'.

Доклад О. В. Михайловой (Томск) «Акциональные аффиксы нганасанского языка» посвящен семантике и функционированию акциональных форм нгана-

санского глагола. В докладе отмечены наиболее употребительные суффиксы, обозначающие способы действия: 1) обычные регулярные действия: *-tumba-* (*tou-tumba-sa* 'улетать-обычно'); 2) периодически повторяющиеся действия: *-ke-* ~ *-ka-* (*tuḷ-ka-tu* 'прилетают-регулярно'); 3) действия, ограниченные во времени: *-gel-/kel-* (*bue-gel-sa* 'проговорить'). Количественная характеристика неполноты действия и предельность начального этапа передаются соответственно суффиксом *-guḷ/-kuḷ* (*yuoṭ-tu-guḷ-aś* 'соединять') и суффиксами *-btu/-ptḷ* (*bere-ptḷ-sḷ* 'приоткрыть') и *-ki* (*komūdi-ki-ä* 'стал ловить').

В докладе Т. В. Хахалкиной (Томск) «Первичная номинация нганасанских зоонимов» представлена небольшая группа наименований животных, имеющих очень древние корни, сохранившиеся почти в первозданном виде; выделены зоонимы досамодийской эпохи и прасамодийских времен. К зоонимам уральской эпохи отнесены *kula* 'ворон', *kokary* 'журавль', *nötu* 'заяц', *kolsü'e* 'червь', *kolḷ* 'рыба', *hil'ci* 'овод', *heḏä* ~ *fieda* 'горноста́й'; к зоонимам финно-угорского периода — *ban* 'собака', *dəṅkuik'jə* 'лебедь'. Автором выявлено 10 нганасанских наименований животных, относящихся к досамодийской эпохе.

В докладе В. В. Шиловой (Новосибирск) «Семантический анализ глаголов движения ненецкого языка (тундровый и лесной диалекты)» эти глаголы распределены по трем семантическим классификациям: 1) по способу осуществления движения; 2) по способу выражения пространственных отношений; 3) по типу субъекта, осуществляющего движение.

Глаголы движения классифицируются как по признаку включения в семантику глагола пространственных значений старта, финиша или трассы передвижения, так и по признаку включения в семантику глагола значения средств передвижения.

Доклад Н. В. Поляковой (Томск) «Особенности выражения пространственных и временных отношений в селькупском языке» посвящен предметным ориентирам. Для селькупов такими ориентирами служат *qoltḷ* 'большая река', *ayga/akka* 'протока', *kal'ža* 'старлица', *sogra* 'заболоченный луг', *ḷurmo* 'заливной луг', *čbor* 'пойменное озеро'; *kužere* 'протока, новое русло'; *pore* 'затон, омут', *poḷža* 'низинное болото'. Основными ориентирами как во времени, так и в пространстве для селькупов выступали *telḷt* 'солнце', *kari kβant* 'утренняя заря', *udi kβant* 'вечерняя заря' и 'направление течения рек'.

Д. Штерн (Бонн) в докладе «В поисках зачатков Говорки — Таймырского русского пиджина» отметил, что таймырский пиджин служил средством интерэтнической коммуникации аборигенных народов Таймыра. Развитие пиджина на основе русского языка восходит ко времени первых русско-таймырских контактов. С появлением якутов и эвенков на Таймыре в XVIII веке появились благоприятные условия для дальнейшей пиджинизации. Автор делит историю таймырского пиджина на две фазы — фазу собственно бытования пиджина и фазу депиджинизации, т.е. перестраивания пиджина под влиянием стандартного русского языка.

В. В. БЫКОНЯ (Томск)